

Сказка о мулле, судье и Ярты-гулоке

Category: Ertekiler, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Сказка о мулле, судье и Ярты-гулоке

СКАЗКА О МУЛЛЕ, СУДЬЕ И ЯРТЫ-ГУЛОКЕ

Когда в поле зеленеет хлопок, – это радость, а когда он станет белым, – это богатство. Но чтобы хлопок стал белым, как горный снег, его нужно поливать. Вот и пошли старик со старухой поливать своё хлопковое поле, а Ярты-гулок остался хозяйничать дома.

Еще до света он убрал кибитку и вымел двор, а потом принялся чистить большой казан-котёл, в котором старуха каждый день варила плов или кашу из тыквы. Он так старательно скрёб казан шершавым камнем и так прилежно тёр его тряпкой, что медный казан заблестел, как солнце, а тряпка стала чернее ночи от сажи и сала.

Вдруг Ярты услышал на улице крик. Он сразу узнал голос муллы, потому что один только мулла во всём ауле умел так громко кричать. Как был – с тряпкой в руке – Ярты-гулок вскарабкался на дувал и увидел, что старый белобородый мулла-аксакал тащит за ворот бедного человека.

– Полюбуйтесь, правоверные, на злодея! Он украл у меня воду! Так кричал мулла на всю улицу и тащил бедняка прямо к дому судьи-кази.

За муллою бежал народ. Ярты тоже выскочил за калитку: где народ – там и Ярты! Не мог же он усидеть дома, если в ауле происходит такое важное событие!

Чтобы не опоздать, Ярты-гулок уцепился за полу пробежавшего мимо мальчишки, вскарабкался к нему на спину и поспел как раз во-время.

Весь аул стоял уже во дворе у кази. Судья сидел на богатом ковре и, нахмутив брови, допрашивал человека, одетого в

грязные лохмотья.

– Клянусь жизнью, я не крал воды! – оправдывался бедняк. – Вода сама полилась мне в рот прямо с неба!

Судья его не слушал, а мулла вопил на весь двор, подняв руки к небу:

– Вах, аллах! Вы слышите, как лжёт этот мошенник, сын обманщика, внук плута и правнук нечестивца! Не спросясь, он проглотил мою воду, а когда я потребовал от него плату, этот бездельник, этот бродяга и оборванец показал мне дыры на своём грязном халате!

Мулла кричал очень громко и не давал ни слова сказать бедняку. Ярты-гулок сидел на тюбетейке самого рослого из крестьян. Ему было всё хорошо видно и всё хорошо слышно. Но даже и он с трудом разобрался, в чём было дело.

А дело было так: бедняк шёл издалека. Он дошёл до аула и, утомившись от зноя, прилёг отдохнуть прямо на дороге под высоким дувалом. Не мог же он знать, что за этим дувалом живёт сам почтенный мулла. А мулла в это время пил у себя на дворе чай и остатки зелёного чая выплеснул через дувал на дорогу. Было так жарко, что бедняк спал раскрывши рот, – и чай муллы попал ему прямо в глотку.

Услышав, как было дело, народ начал шуметь, оправдывая бедняка. Но старый мулла не сдался. Он подбежал к своему другу судье и закричал ещё громче:

– О, справедливейший из справедливых! Ты слышишь – это были даже не просто вода, а драгоценный, душистый, самый лучший зелёный чай. Если за кражу воды отрубят руку, то не следует ли за кражу чая отрубить голову нечестивцу? Но я добр и великодушен, я не требую его смерти: прикажи злодею заплатить мне деньги или заставь его отработать долг при мечети, – и небо благословит тебя!

Старый мулла так утомился от крика, что пот градом катился по его лицу, к тому же солнце стояло уже высоко и беспощадно палило землю. Он вытащил из кармана белоснежный платок, сел рядом с судьёй на ковёр и стал вытирать им своё лицо и шею и, с видом победителя, оглаживать свою длинную белую бороду.

На бедняка было жалко смотреть: он понимал лучше всех, что ему

не миновать кабалы, и испуганными глазами смотрел то на судью, то на муллу.

В народе поднялся ропот, потому что крестьяне отлично знали, что судья-кази был не только близким другом, но и родственником седобородого муллы-аксакала.

«Собака знает, о чём щенок лает, – думали они про судью. – Что стоит ему засудить такого же, как и мы, бедняка!»

Все молчали. Молчал и Ярты-гулок. Во все глаза он смотрел, что будет дальше.

Наконец судья раскрыл книгу, в которой записаны все законы, и стал разыскивать такой закон, по которому правый становится виноватым, а виноватый всегда остаётся правым.

Тут уж Ярты не выдержал: с шапки на шапку, с тюбетейки на тюбетейку – он стал пробираться вперёд, чтобы лучше всех услышать, как решит дело всесильный судья. Так он добрался до самого муллы. Сперва он вскочил ему на чалму, потом перебрался за ворот бархатного халата, осторожно соскользнул по подкладке и оказался в широком кармане рядом с белоснежным платком муллы. Он выглянул из кармана и стал следить за судьёй.

Судья поднял голову и торжественно обратился к мулле:

– Согласно нашим законам и нашим обычаям ты, почтенный мулла, должен поклясться при всём народе, что говорил на суде только чистую правду.

Клянись, но помни, чему учит нас старинная мудрость: у того, кто клянётся ложно, лицо почернеет!

Мулла понял хитрость своего друга и обрадовался, что ценою одной только клятвы он получит дарового работника. Он воздел свои руки к небу и ещё торжественнее, чем судья, возгласил:

– Клянусь небом, – я говорил только чистую правду и готов сто раз повторять: если я клялся ложно, пусть лицо моё почернеет!

Так сказал мулла и снова полез в карман за платком, потому что солнце поднялось ещё выше и обильный пот ручьями струился у него по лицу.

Увидев рядом с собой в кармане пухлую руку муллы, проворный Ярты не растерялся и, не долго думая, сунул мулле в руку не белоснежный платок, а грязную старухину тряпку, испачканную сажей.

Конечно, мулла этого не заметил и принялся старательно вытирать своё лицо. В толпе засмеялись, но мулла был так доволен исходом дела, что не обратил на это никакого внимания. Он преспокойно продолжал вытирать свои щёки, глаза и нос грязной старухиной тряпкой. Он тёр их до тех пор, пока они не стали так же черны, как старый казан.

Тут уже смех превратился в хохот. Хохотали мужчины, широко разинув свои бородатые рты, хохотали женщины, стыдливо прикрывая рот рукою, хохотали старики и старухи, утирая слёзы, выступившие на глазах от смеха, а ребятишки визжали и катались по земле от радости. Такой потехи они еще никогда не видали!

Судья хотел объявить приговор, но его уже никто не слушал: все смеялись и показывали пальцем на муллу-аксакала. Судья глянул на своего друга и превратился в столб от удивления: лицо грешника почернело! Судья закричал:

– Аллах великий! Ты чёрен, как сам шайтан!

Он схватился за голову и опрометью бросился бежать из суда.

Смущённый мулла потрогал свои щёки, потом посмотрел на ладони и увидел, что они стали чернее сажи. От ужаса у него помутилось в глазах: он был навсегда опозорен! Кто поверит теперь мулле, который при всём ауле принёс ложную клятву?

Он подхватил полы своего дорогого халата и бегом помчался домой. Он бежал, словно джейран, за которым гонятся собаки, а вслед ему неслись свист и крики:

– Отвечай, мулла, – почему твоё лицо стало чёрным?

– Не бедняк-нищий, а ты сам – первый обманщик во всём ауле!

И вместе со всеми кричал Ярты-гулок. Не мог же он промолчать, если кричит весь аул!

Мулла добежал до первого арыка и, весь дрожа от стыда и гнева, принялся отмывать сажу с лица. Чего он только ни делал: он тёр своё лицо жёсткой травой, он скрёб свои щёки ногтями, но проклятая жирная сажа никак не хотела сходить с его волосатой рожи. Долго, очень долго не мог старый мулла отмыться, но ещё дольше не мог он смыть с себя позора.

А крестьяне разошлись со двора судьи-кази.

Вместе с ними ушёл и бездомный нищий. Ярты-гулок проводил бедняка до ворот аула и на прощание сказал ему:

– Далека твоя дорога, бездомный путник. Но помни, в нашем ауле ты всегда найдёшь и приют и дружбу. Спроси только Ярты-гулока.

Бедняк ответил:

– Спасибо тебе, Ярты. Ты очень хорошо сделал, что выручил меня сегодня.

И мы скажем:

– Хорошо!

Ertekiler